

говорившего об этом при каждом удобном случае. И, наконец, появление в Москве молодых американских славистов Эллендеа и Карла Профферов⁴, друживших с Набоковым и хорошо знавших его творчество. Это не могло не сказаться на восприятии Р.Д. Орловой сочинений Набокова. В июле 1970 года она отправила письмо Набокову, в котором достаточно откровенно рассказывала о том, как трудно шла она к его книгам. Сохранившийся черновой вариант этого письма дает представление о тональности и характере документа.

Владимиру Набокову.

Белла Ахмадулина сказала мне, что очень хотела написать Вам письмо, но остановилась уже перед обращением: “Глубокоуважаемый” очень официально, “Господин Набоков” – еще официальнее и холоднее, “Дорогой Владимир Владимирович” – слишком фамильярно, Вы не давали оснований так к Вам обращаться.

Рискуя показаться невежливой, обойдусь без обращения, иначе я не закончу и не отправлю письмо, которое сочиняю несколько месяцев. Прорвать множество внутренних преград и все-таки решиться на письмо мне помогло то, что у нас с Вами есть общие знакомые, Карл и Эллендеа Профферы, и они говорили Вам обо мне.

Разрешите представиться: Орлова Раиса, 52 года, критик и литературовед, занимаюсь американскими писателями, преподавала (и сейчас время от времени читаю спецкурсы и отдельные лекции), автор нескольких книг и множества статей.

Третий раз замужем, моего мужа зовут Лев Копелев, он – специалист по немецкой литературе. У нас вместе четыре взрослых дочери и пятеро внуков, старшему девять лет, младшей один месяц.

Сейчас у меня есть мечта – написать работу об американском периоде творчества Набокова. Пока это (не написать, конечно, а напечатать) мало осуществимо, хотя несколько месяцев тому назад я выступала на большом собрании в Доме литераторов, говорила о Ваших книгах.

Шла я к Набокову медленно и мучительно. Открыла в [19]58 г[оду] “Лолиту”, отбросила где-то на 30-й странице с негодованием: “Не буду я читать такую гадость!”. Осмеливаюсь сказать Вам об этом только потому, что и сейчас все время встречаю людей – и умных, и образованных, которые так говорят. Возможно, и они проделают тот же путь, который проделали мы с мужем, а сегодня они еще застряли на первой стадии.

И потом второе десятилетие я натыкалась на “Лолиту” и на другие книги. Набоков был, как больной зуб, и все крепло ощущение: без этого я

не обойдусь, я многого не понимаю *без этого*, надо в это погрузиться, надо постараться понять...

Два внешних обстоятельства мне помогли: во-первых, знакомство с Профферами (от книги Карла “Ключи к Лолите”⁵ вернулась к самой “Лолите” и открыла для себя новую страну, трагическую и прекрасную), и, во-вторых, моя дочь Светлана. Ей 30 лет, она химик, но вот уже несколько лет, как Ваши книги для нее – главные книги в жизни. Одному приятелю она сказала: «Если тебе не понравится “Приглашение на казнь”, не говори мне об этом». Она приняла Ваши книги сразу, целиком, безоговорочно. А так как она мне не только дочь, но и друг, то, естественно, ее страсть повлияла и на меня. То, что ей далось легко, мне давалось трудно (это продолжается и сейчас). Слишком многое в себе, в своем воспитании, нравств[енном] и эстет[ическом], приходится преодолевать.

Мы с мужем прочитали теперь уже почти все книги и по-англ[ийски], и по-рус[ски]. Для него – самая важная книга “Дар”, для Светланы – “Приглашение на казнь”, для меня...⁶. Но эти величины – переменные.

Мы окружены Вашими читателями и почитателями. Вы увидели русскую осень, она увидела Вас. Их – почитателей – число растет, есть, конечно, и противники. О Вас спорят, Вас низвергают, перед Вами преклоняются, но, главное, Вас читают.

Владимир Владимирович, я могла бы продолжать, но боюсь, – а вдруг Вас это вовсе не интересует. Если Вы ответите (лучше оказией), тогда я буду писать Вам еще и еще, спрашивать, рассказывать и, разумеется, просить книги.

А пока я остановлюсь. [...]”⁷

Через год тайными тропами был привезен в Москву ответ Веры Набоковой третьему лицу для передачи Р.Д. Орловой:

12 октября 1971

Мадам,

Мой муж просит меня поблагодарить Вас за то, что Вы послали ему письмо г-жи О[рловой]. Эти отзвуки оттуда доходят до него довольно часто. И они его глубоко трогают. Однако, он взял себе за абсолютное правило никогда не отвечать на них письменно. Условия жизни там таковы, что даже одна строчка от человека, как он, – персона нон грата – может навлечь на его корреспондентов большие неприятности. Восхищаясь их великой храбростью, он, однако, не хотел бы получать доказательства этой храбрости за их счет. Он был бы Вам очень благодарен, если бы Вы согласились объяснить все это г-же О[рловой] живым голосом.

С самыми искренними пожеланиями,

Вера Набокова⁸.